

25. **Duolingo Cut 10% Contractor Workforce.** Available at: <https://www.yahoo.com/entertainment/duolingo-cut-10-contractor-workforce-174143415.html> (accessed 10 November 2025)

26. **Vse uvoleny': kak Google i Microsoft sokrashhayut lyudej i k chemu e'to mozhет privesti** [Everyone's fired: How Google and Microsoft are laying off people and what it could lead to]. Available at: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/484208-vse-uvoleny-kak-google-i-microsoft-sokrasaut-ludej-i-k-cemu-eto-mozet-privesti> (accessed 10 November 2025). (In Russian)

27. **Vo chto investirovat' na ry'nke iskusstvennogo intellekta v 2023 godu** [What to invest in in the artificial intelligence market in 2023]. Available at: https://forbes.kz/articles/vo_chto_investirovat_na_ryinke_iskusstvennogo_intellekta_v_2023_godu (accessed 10 November 2025). (In Russian)

28. **Deloitte. 2025: kak reshit' glavny'e protivorechiya sovremennogo HR s pomoshh'yu tehnologii** [How to resolve the main contradictions of modern HR using technology]. Available at: <https://www.mirapolis.ru/blog/deloitte-za-2025-god/> (accessed 10 November 2025). (In Russian)

Сведения об авторе:

Жубакова Сауле Сайбулатовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, Евразийский Национальный университет имени Л.Гумилева, Республика Казахстан, 010000 г. Астана, пр. Кудайбердыұлы 19/2, 80, тел.: +77784239257, e-mail: zhubakova.saule@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9944-735X>.

Жубакова Сауле Сайбулатовна – педагогика ғылымдарының кандидаты, педагогика кафедрасының аға оқытушысы, Л. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Қазақстан Республикасы, 010000 Астана қ., Құдайбердіұлы даңғ. 19/2, 80, тел.: +77784239257, zhubakova.saule@mail.ru, ORCID – <https://orcid.org/0000-0002-9944-735X>.

Zhubakova Saule Saibulatovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of pedagogy, L.Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, 19/2 Kudaiberdyuly Ave., apt. 80, tel.: +77784239257, e-mail: zhubakova.saule@mail.ru, ORCID – <https://orcid.org/0000-0002-9944-735X>.

МРНТИ 14.35.07

УДК 378.147:378.4

<https://doi.org/10.52269/NTDG2542135>

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Каленова А.С. – PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан.

*Нурбаева А.М. * – доктор PhD, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан.*

Жетібай Р.Қ. – доктор PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан.

Кадырбаева Б.А. – кандидат педагогических наук, доцент, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа академической мобильности студентов Казахстана как стратегического ресурса модернизации системы высшего образования и усиления её интеграции в международное образовательное пространство. Цель работы – выявить текущее состояние, ключевые тенденции, барьеры и перспективы развития академической мобильности в исходящей, входящей и виртуальной формах. Задачи включают анализ нормативно-правовой и институциональной базы, оценку количественных и качественных показателей мобильности, определение образовательных, исследовательских и культурных эффектов, выявление ограничений и разработку рекомендаций. Методология опирается на смешанный подход: количественный анализ статистики ENIC, OECD, EHEA; качественные методы (25 интервью со студентами, 12 – с администрацией, 4 фокус-группы); контент- и сравнительный анализ. Результаты показали положительное влияние мобильности на академическую успеваемость, исследовательскую активность и межкультурные компетенции студентов, при этом сохраняются региональные диспропорции, языковые и финансовые барьеры, недостаточная постпрограммная интеграция. Научная новизна заключается в целостной оценке мобильности как фактора устойчивого развития и предложении многоуровневой модели её институционализации. Практическая значимость состоит в применимости рекомендаций для со-

вершенствования политики академической мобильности на государственном и университетском уровнях и повышения международной конкурентоспособности вузов.

Ключевые слова: академическая мобильность, международное сотрудничество, высшее образование, студенты, интернационализация, образовательная интеграция, обмен.

ҚАЗАҚСТАН СТУДЕНТТЕРІНІҢ АКАДЕМИЯЛЫҚ ҰТҚЫРЛЫҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ БІЛІМ БЕРУ ИНТЕГРАЦИЯСЫ КОНТЕКСТІНДЕ: ТАЛДАУ ЖӘНЕ ДАМУ БОЛАШАҒЫ

Каленова А.С. – PhD докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы.

Нурбаева А.М.* – PhD докторы, қауымдастырылған профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

Жетібай Р.Қ. – PhD докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

Қадырбаева Б.А. – педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы.

Зерттеу жұмысының өзектілігі Қазақстандағы академиялық ұтқырлықтың жоғары білім беру жүйесін жаңғыртудағы стратегиялық рөлін және оның халықаралық білім беру кеңістігіне ықпалдасу үдерістеріне әсерін анықтау қажеттілігімен айқындалады. Мақсаты – Қазақстан студенттерінің академиялық ұтқырлығының жай-күйін кешенді талдау, негізгі үрдістерін, барьерлерін және даму перспективаларын айқындау. Міндеттеріне нормативтік-құқықтық және институционалдық базаны талдау, статистикалық және сапалық деректер негізінде ұтқырлықтың шығушы, кіріс және виртуалды түрлерінің ерекшеліктерін бағалау, білім беру, зерттеу және мәдени әсерлерін анықтау, тәуекелдер мен шектеулерді белгілеу және даму стратегияларын ұсыну кіреді. Әдіснамалық негізі – аралас әдістер: сандық талдау (ENIC, OECD, EHEA деректері), сапалық зерттеу (25 студентпен және 12 қызметкермен сұхбат, 4 фокус-топ), контент-талдау және салыстырмалы талдау. Нәтижелер академиялық ұтқырлықтың қатысушылардың үлгеріміне, зерттеу белсенділігіне және мәдени құзыреттіліктеріне оң әсерін, бірақ өңірлік теңсіздік пен институционалдық олқылықтардың сақталатынын көрсетті. Ғылыми жаңалығы – ұтқырлықты тұрақты даму факторы ретінде кешенді бағалау және көпдеңгейлі басқару үлгісін ұсыну. Практикалық маңызы – ұсыныстар ұлттық және университеттік деңгейде ұтқырлықтың тиімділігін арттыруға және халықаралық бәсекеге қабілеттілікті нығайтуға бағытталған.

Түйінді сөздер: академиялық ұтқырлық, халықаралық ынтымақтастық, жоғары білім, студенттер, интернационализация, білім беру интеграциясы, алмасу.

ACADEMIC MOBILITY OF STUDENTS IN KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL EDUCATION INTEGRATION: ANALYSIS AND PROSPECTS

Kalenova A.S. – PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

Nurbayeva A.M.* – PhD, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

Zhetibay R.K. – PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

Kadyrbayeva B.A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

The relevance of this study stems from the need to comprehensively assess academic mobility in Kazakhstan as a strategic driver for modernizing higher education and strengthening its integration into the global educational space. The aim is to analyze the current state, key trends, barriers, and future prospects of outbound, inbound, and virtual academic mobility. The objectives include examining the regulatory and institutional framework, assessing quantitative and qualitative indicators, identifying educational, research, and cultural impacts, revealing constraints, and developing recommendations. The methodology is based on a mixed-methods approach: ENIC, OECD, and EHEA quantitative statistics analysis; qualitative research (25 student interviews, 12 administrative staff interviews, and 4 focus groups); content and comparative analysis. Findings indicate that academic mobility positively influences students' academic performance, research activity, and intercultural competencies, yet regional disparities, language and financial barriers, and insufficient post-programme integration persist. The scientific novelty lies in providing a holistic evaluation of academic mobility as a factor in sustainable development and proposing a multi-level model for its institutionalization. The practical significance is reflected in the applicability of the recommendations to enhance academic mobility policy at national and institutional levels and to increase the international competitiveness of Kazakhstani universities.

Key words: *academic mobility, international cooperation, higher education, students, internationalization, educational integration, exchange.*

Введение. Академическая мобильность студентов в современном высшем образовании рассматривается как один из ключевых факторов устойчивого развития образовательных систем, обеспечивающий трансфер знаний, технологий и культурных ценностей, а также формирование компетенций, востребованных в условиях глобальной экономики [1;2]. В рамках глобализационных процессов она способствует интеграции университетов в международное академическое пространство, стимулирует обновление учебных планов, развитие исследовательской деятельности и повышение качества подготовки кадров. Для Казахстана, присоединившегося к Болонскому процессу в 2010 году, академическая мобильность студентов стала важным инструментом модернизации высшего образования и укрепления его конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг [3; 4].

В национальной образовательной политике академическая мобильность закреплена как стратегический приоритет, поддерживаемый нормативно-правовой базой и институциональными стратегиями университетов. По данным Национального центра академической мобильности (ENIC), в период 2017-2023 годов в программах исходящей мобильности приняли участие 6589 студентов, причём только в 2023 году – 879 человек, включая офлайны онлайн-форматы. При этом география партнёрских университетов расширяется, но сохраняется дисбаланс: основная доля участников обучается в странах СНГ, в то время как участие в программах ведущих университетов Европы и Азии остаётся ограниченным. Международная статистика (OECD, 2020) [5] показывает, что устойчивое развитие образовательных систем требует не только количественного роста мобильности, но и интеграции её результатов в образовательную и научную практику родных вузов.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа того, каким образом академическая мобильность студентов – в её исходящей, входящей и виртуальной формах – способствует устойчивости системы высшего образования Казахстана. Несмотря на положительные тенденции – рост числа соглашений о сотрудничестве, внедрение цифровых сервисов и расширение форматов виртуальной мобильности, – сохраняются вызовы: ограниченность финансирования, неравномерный доступ к программам между центральными и региональными вузами, языковые барьеры, проблемы академической и социокультурной адаптации [6; 7]. Постпандемийные изменения, цифровизация образовательных процессов и усиление геополитических факторов формируют новую конфигурацию возможностей и рисков, требующую комплексного анализа мобильности как инструмента не только интернационализации, но и долгосрочной устойчивости национальной образовательной системы.

В последние годы отечественные исследования существенно расширили эмпирическую базу по теме. Есимова Ш.А., Хасенова Л.А., Мирзаев Ш.Ш. [7] выявили влияние международных обменов на академическую успеваемость студентов; Almukhambetova и соавт. [6] проанализировали мотивацию и карьерные траектории участников мобильности в STEM-направлениях; Mukhatayev [3] изучил институциональные модели управления мобильностью; DiPietro [4] описал роль обменов в формировании международных образовательных сетей. Однако комплексных работ, объединяющих нормативно-правовой анализ, статистические данные и эмпирические результаты в контексте концепции устойчивого развития образования, в отечественной науке немного, что и определяет научную новизну настоящего исследования.

Цель статьи – провести комплексный анализ состояния академической мобильности студентов Казахстана, выявить её ключевые тенденции и перспективы развития в контексте международной интеграции системы высшего образования.

Для достижения цели поставлены **задачи**:

1. Проанализировать нормативно-правовую и институциональную базу академической мобильности студентов в Казахстане.
2. Выявить количественные и качественные тенденции исходящей, входящей и виртуальной мобильности по направлениям подготовки и регионам.
3. Оценить образовательные, исследовательские и культурные эффекты участия студентов в программах мобильности.
4. Определить ключевые барьеры и риски, препятствующие реализации потенциала мобильности.
5. Предложить рекомендации по интеграции академической мобильности в долгосрочные стратегии устойчивого развития университетов и национальной системы высшего образования.

Для решения поставленных задач применялся смешанный методологический подход, включающий как количественные, так и качественные методы анализа. Качественная часть исследования опиралась на контент-анализ нормативных документов и стратегий университетов, полуструктурированные интервью с 25 студентами и 12 сотрудниками международных отделов, а также проведение четырёх фокус-групп в центральных и региональных вузах. Количественный анализ включал обработку статистических данных Национального центра академической мобильности и международных организаций (OECD, ENEA), а также данных анкетирования, проведённого среди участников программ мобильности. Обработка и интерпретация данных осуществлялись с использованием програм-

много обеспечения NVivo 12 (тематическое кодирование) и SPSS Statistics 26 (корреляционный анализ, построение динамических рядов и сравнительных таблиц).

Таким образом, исследование нацелено на восполнение выявленного научного пробела, обеспечивая целостное представление о том, каким образом академическая мобильность студентов может стать системным ресурсом устойчивого развития казахстанского высшего образования в условиях глобальных вызовов, цифровой трансформации и необходимости повышения международной конкурентоспособности университетов страны.

Материалы и методы исследования. Материалы и методы исследования базировались на комплексном, системном и верифицируемом подходе, что позволило осуществить многоплановое изучение академической мобильности студентов в Казахстане как фактора устойчивого развития системы высшего образования. Методологическая конструкция исследования формировалась с учётом рекомендаций ведущих международных организаций [5; 8; 9], а также с опорой на национальную нормативно-правовую базу и институциональные особенности казахстанских университетов, что обеспечило теоретическую и эмпирическую релевантность полученных результатов.

Эмпирическая база была структурирована в три взаимодополняющих блока. Статистический блок включал официальные данные Национального центра академической мобильности (ENIC) за 2020–2025 гг., содержащие сведения о числе участников исходящей, входящей и виртуальной мобильности, их распределении по регионам, образовательным направлениям, длительности программ и странам-партнёрам. Дополнительно были использованы международные статистические обзоры OECD [5] отчёты Европейского пространства высшего образования (EHEA, 2022) [9] и материалы национальных агентств по академической мобильности стран ЕС и Азии, что позволило сопоставить показатели Казахстана с глобальными и региональными трендами (OECD, 2020) [5].

Нормативно-правовой блок охватывал анализ приказов, постановлений и методических рекомендаций Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, регулирующих академическую мобильность, включая Приказ Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 31 марта 2025 года № 149 «О внесении изменений в Правила направления для обучения за рубежом, в том числе в рамках академической мобильности» [10] и Приказ от 26 марта 2025 года № 133 «Об утверждении количества мест по организациям высшего и (или) послевузовского образования для обучения за рубежом в рамках академической мобильности на 2025 год» [11]; внутривузовских положений и регламентов, определяющих организацию исходящей и входящей мобильности; межвузовских соглашений о сотрудничестве и обменах. Данный анализ проводился на национальном и институциональном уровнях, что позволило выявить степень согласованности университетской политики с общегосударственными стратегическими приоритетами и международными обязательствами [8; 9].

Эмпирический блок формировался на основе результатов полуструктурированных интервью и фокус-групп с участием студентов и сотрудников университетских подразделений, а также контент-анализа стратегических документов вузов. Такой подход обеспечил сбор как объективных, так и субъективно-оценочных данных, отражающих опыт участия в мобильности, восприятие её значимости и барьеров, препятствующих её развитию. Методический инструментарий включал сочетание количественных и качественных методов. В рамках количественного анализа применялась описательная статистика для выявления динамики и структуры показателей мобильности за пятилетний период (OECD, 2020) [5], сравнительный анализ – для сопоставления национальных данных с показателями стран EHEA [9] и OECD [5], а также корреляционный анализ – для установления взаимосвязей между участием в мобильности и академическими результатами студентов (успеваемость, участие в НИР, публикационная активность), а также между уровнем институциональной поддержки и масштабами мобильности [3].

Качественный анализ опирался на контент-анализ нормативных документов и стратегий университетов, что позволило выделить основные направления институциональной политики, формы организационного сопровождения студентов и различия между центральными и региональными вузами. Полуструктурированные интервью были проведены с 25 студентами (бакалавриат и магистратура, гуманитарные, инженерно-технические и естественно-научные специальности) и 12 сотрудниками международных отделов, отвечающими за организацию мобильности. Для углублённого выявления мотивации, ожиданий, барьеров и предложений по совершенствованию программ мобильности были организованы четыре фокус-группы (по 6–8 участников) в двух университетах Алматы и одном региональном вузе.

Отбор участников для качественного этапа осуществлялся целенаправленно (purposive sampling) с учётом репрезентации различных форм мобильности (исходящая, входящая, виртуальная), уровней подготовки и региональной принадлежности, что позволило охватить широкий спектр опыта. Гайдовские вопросы интервью и фокус-групп были сфокусированы на причинах выбора программ, опыте подготовки, академических и личностных результатах, трудностях адаптации и рекомендациях по улучшению мобильности. Сбор данных проводился с февраля по июль 2025 года. Интервью фиксировались с согласия респондентов, транскрибировались и кодировались в NVivo 12 с использованием тематического кодирования (thematic coding). Количественные данные обрабатывались в SPSS Statistics 26 с расчётом корреляционных коэффициентов, построением динамических

рядов и сравнительных таблиц [12]. Для обеспечения достоверности и надёжности выводов применялась методологическая триангуляция [13], предусматривающая сопоставление статистических данных, нормативных источников и субъективных оценок участников. Концептуальная интерпретация результатов опиралась на теорию интернационализации высшего образования [2] и концепцию устойчивого развития образования [8], что обеспечило теоретическую согласованность анализа.

Визуально модель институционализации может быть представлена в виде четырёхуровневой структурированной схемы:

1. Нормативный уровень – согласование стандартов признания, интеграция положений Лиссабонской конвенции, стандарты перезачёта кредитов.
2. Организационный уровень – центры мобильности, цифровые системы подачи заявок, протоколы адаптации студентов.
3. Академический уровень – англоязычные программы, интеграция мобильности в образовательные траектории, механизмы трансфера компетенций по возвращении.
4. Поддерживающий уровень – культурная адаптация, менторство, психологическое сопровождение.

Такая схема повышает прозрачность и воспроизводимость университетской политики мобильности.

Комплексное сочетание количественных и качественных методов, многоисточниковая база данных и опора на признанные международные теоретические модели позволили всесторонне проанализировать академическую мобильность студентов в Казахстане, оценить её потенциал для устойчивого развития национальной системы высшего образования и сформировать обоснованные рекомендации, релевантные как национальному, так и международному контексту.

Результаты. Анализ нормативно-правовой и институциональной базы академической мобильности студентов в Казахстане показал, что в период с 2017 по 2025 год сформировался достаточно разветвлённый комплекс государственных и внутривузовских регламентов, определяющих организационные, финансовые и академические параметры исходящей, входящей и виртуальной мобильности. На национальном уровне ключевым инструментом регулирования выступают приказы и методические рекомендации Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, включая Приказ от 31 марта 2025 г. № 149 и Приказ от 26 марта 2025 г. №133 [10; 11], закрепляющие приоритетность мобильности как стратегического направления интернационализации высшего образования. Эти документы определяют порядок конкурсного отбора участников, механизмы финансирования за счёт государственного бюджета и иных источников, требования к признанию результатов обучения, полученных за рубежом, в соответствии с принципами Болонского процесса [9]. Важным нормативным элементом является положение о зачетных единицах ECTS и процедурная регламентация перезачёта дисциплин, что снижает риск академических потерь при возвращении студентов в базовый вуз [2]. Институциональный уровень представлен локальными актами университетов, которые конкретизируют национальные положения с учётом профиля вуза, географии партнёрских соглашений и финансовых возможностей. Контент-анализ 12 таких документов, проведённый в рамках настоящего исследования, выявил, что центральные университеты (Алматы, Астана) демонстрируют более высокий уровень детализации процедур сопровождения мобильности: наличие отдельных подразделений по международным связям, разработанные дорожные карты адаптации студентов, внедрение цифровых платформ для подачи заявок и отслеживания статуса участия [3]. В региональных вузах структура регламентов часто упрощена, а сопровождение ограничено функциями одного-двух сотрудников международного отдела, что подтверждается и интервью с административным персоналом.

Более детальный анализ показал, что региональная специфика развития мобильности формирует как структурные, так и функциональные различия между университетами. Центральные университеты (Астана, Алматы) обладают устойчивой международной инфраструктурой: многоуровневой системой управления мобильностью, отдельными департаментами международного сотрудничества и доступом к крупным грантовым программам (Erasmus+, Mevlana и др.). В региональных вузах, напротив, мобильность реализуется в условиях ограниченного кадрового состава, фрагментарной информированности студентов и недостаточного числа англоязычных дисциплин. Эти различия приводят к своеобразной «пространственной стратификации возможностей»: студенты регионов участвуют преимущественно в коротких обменах внутри СНГ, тогда как студенты центральных вузов получают доступ к долгосрочным программам в странах ЕС и Восточной Азии.

Таким образом, выявленные региональные различия в доступе к академической мобильности отражают не только ресурсную неоднородность вузов, но и ограничения действующих регулятивных механизмов. В этой связи представляется необходимым сопоставить казахстанскую модель регулирования мобильности с международной нормативной практикой.

Сравнительный анализ с международной нормативной практикой показал, что регулятивная модель Казахстана в целом соответствует рамочным требованиям OECD и UNESCO [5; 8], однако сохраняются определённые диспропорции. В частности, в документах недостаточно разработаны механизмы долгосрочного мониторинга постпрограммных эффектов мобильности – то есть отслежива-

ния, каким образом приобретённые за рубежом компетенции интегрируются в последующую академическую и профессиональную деятельность выпускников [1]. Кроме того, в ряде университетов отсутствуют положения, стимулирующие обратную мобильность преподавателей и исследователей, что в международной практике рассматривается как фактор усиления системного эффекта обменов [2].

Эмпирические данные интервью и фокус-групп подтверждают, что степень формализованности и прозрачности процедур оказывает прямое влияние на доступность мобильности. Студенты, обучающиеся в вузах с развитой нормативной инфраструктурой, оценивают процесс подачи заявки и получения одобрения как «понятный» и «структурированный», тогда как в региональных вузах фиксируются жалобы на «неполноту информации» и «длительные согласования». Это согласуется с выводами Almkhambetova и соавт. [6], указывающих на институциональную асимметрию как на один из ключевых барьеров в расширении участия студентов в международных программах. В целом результаты анализа показали, что в Казахстане уже сформирована нормативно-правовая база, формально согласованная с международными стандартами [5], однако её практическая реализация на институциональном уровне остаётся неоднородной. К числу сильных сторон можно отнести наличие чётко регламентированных конкурсных процедур, интеграцию системы ECTS и закрепление академической мобильности в качестве стратегического приоритета государственной образовательной политики [9]. Вместе с тем сохраняются существенные ограничения, включая фрагментарность сопровождения в региональных вузах, отсутствие комплексных механизмов мониторинга долгосрочных эффектов и недостаточную разработанность процедур обратной мобильности. Эти результаты представляют особую значимость для разработки предложений, направленных на институциональное выравнивание и совершенствование нормативных механизмов поддержки мобильности в контексте устойчивого развития высшего образования [8].

Переходя от анализа нормативных и институциональных основ к оценке фактических показателей, можно отметить, что динамика исходящей, входящей и виртуальной академической мобильности в Казахстане за период 2020-2023 годов отражает разнонаправленные тенденции, обусловленные как внутренними институциональными условиями, так и внешними факторами глобальной образовательной политики. Исходящая мобильность демонстрирует устойчивый рост: если в 2020 году в программах краткосрочного и семестрового обмена участвовали 642 студента, то к 2023 году их количество достигло 879 человек, что составляет прирост на 36,9 % за трёхлетний период [14]. География исходящих потоков остаётся ограниченной: более 60 % студентов обучаются в университетах стран СНГ, прежде всего России, Узбекистана и Кыргызстана, в то время как доля стран дальнего зарубежья, включая ведущие университеты Европы и Азии, не превышает 20% [5].

Входящая мобильность в Казахстане остаётся на заметно более низком уровне по сравнению с исходящей: в 2023 году в казахстанских университетах обучалось около 410 иностранных студентов по программам краткосрочного обмена, что составляет менее половины объёма исходящих потоков [14]. Более 70 % из них прибыли из стран СНГ, главным образом из Узбекистана, Кыргызстана и России, что свидетельствует о слабой диверсификации направлений [5; 14]. Доля участников из стран дальнего зарубежья не превышает 15 %, формируясь в основном за счёт Турции, Китая и Монголии [11]. Сложившаяся асимметрия входящих и исходящих потоков показывает, что потенциал традиционных очных форм академической мобильности используется не в полной мере и требует поиска дополнительных форматов международного академического взаимодействия.

Особое место в этом контексте занимает виртуальная мобильность, активизация которой пришла на постпандемийный период. Полученные данные позволяют выделить по крайней мере три функциональных формата виртуальной мобильности:

1. Самостоятельное прохождение онлайн-курсов зарубежных университетов с последующим перезачётом;
2. Участие в сетевых дисциплинах с совместным кураторством преподавателей базового и принимающего вузов;
3. Включённость в международные проектные команды (виртуальные стажировки, совместные исследования).

Каждый из указанных форматов встроен в более широкую модель управления академической мобильностью, включающую нормативный, организационный, академический и поддерживающий уровни. Нормативный уровень обеспечивает юридическую и процедурную согласованность программ; организационный – операционное управление и сопровождение мобильности (в том числе виртуальной); академический – включение результатов мобильности в индивидуальные образовательные траектории и обеспечение академической преемственности; поддерживающий – минимизацию культурных, психологических и адаптационных рисков. Включение в модель механизма мониторинга пост-программных результатов (tracking system) позволяет оценивать долгосрочные эффекты мобильности на академические показатели, трудоустройство и исследовательскую активность выпускников, что соотносится с рекомендациями OECD и UNESCO. Многоуровневая модель институционализации академической мобильности представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Многоуровневая модель институционализации академической мобильности

Уровень модели	Содержательное наполнение	Основные функции	Ключевые механизмы и инструменты	Ответственные структуры
Нормативный	Национальные и институциональные регламенты мобильности	Юридическая и процедурная согласованность программ	Приказы МНВО (№149, №133); методические рекомендации; принципы Болонского процесса; ECTS; регламенты перезачёта	МНВО РК; ректораты; юридические службы; департаменты академической политики
Организационный	Административная инфраструктура международного сотрудничества	Операционное управление мобильностью	Международные отделы; координаторы; цифровые платформы подачи заявок; дорожные карты сопровождения	Международные отделы; офисы мобильности; деканаты
Академический	Интеграция мобильности в образовательный процесс	Обеспечение академической преемственности и перезачёта дисциплин	ИУП; каталоги дисциплин; англоязычные программы; курсы академического письма	Учебные управления; кафедры; преподаватели; научные руководители
Поддерживающий	Культурное, психологическое и социальное сопровождение	Снижение адаптационных рисков; усиление образовательных эффектов	Менторские программы; ориентационные сессии; психологическая поддержка; клубы выпускников; карьерное консультирование	Психологические службы; тьюторы; студенческие организации; ассоциации выпускников

Как видно из таблицы 1, выделенные уровни образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой виртуальная мобильность перестаёт быть вспомогательным элементом и институционализируется как самостоятельное направление интернационализации. Вместе взятые, эти элементы показывают, что виртуальная мобильность постепенно превращается из вспомогательного инструмента в самостоятельное направление интернационализации, требующее отдельного анализа её образовательных эффектов и ограничений.

Если первый формат виртуальной мобильности обеспечивает главным образом расширение доступа к академическому контенту, то второй и третий связаны с формированием коммуникативных и исследовательских компетенций. Однако именно эти более сложные форматы существенно менее распространены среди казахстанских студентов, что подтверждается данными интервью: большинство респондентов описывают свой опыт виртуальной мобильности как «дистанционный курс без живого взаимодействия». Анализ интервью также позволяет предложить типологию образовательных эффектов виртуальной мобильности. Во-первых, она выступает «точкой входа» в международные академические сети: 57 % участников отмечают, что виртуальные курсы стали первым опытом взаимодействия с зарубежными преподавателями и послужили мотивом для участия в очных обменах. Во-вторых, виртуальные программы способствуют развитию цифровой академической грамотности – умения работать с международными платформами, научными базами и онлайн-лабораториями. В-третьих, виртуальная мобильность формирует более гибкие образовательные траектории: студенты могут выбирать курсы университетов Южной Кореи, Великобритании и Малайзии, что значительно расширяет спектр дисциплин, недоступных в собственных вузах. Вместе с тем ограниченная культурная вовлечённость и отсутствие непосредственной исследовательской практики остаются существенными недостатками виртуальных форматов, требующими институционального решения и закрепления стандартов признания их результатов.

В 2023 году в онлайн-курсах и совместных образовательных программах приняли участие более 560 студентов из Казахстана, при этом наибольшую популярность получили курсы университетов Южной Кореи, Малайзии и Великобритании [5; 9]. Вместе с тем виртуальная мобильность обладает и существенными ограничениями. Значительная часть студентов указывает на недостаточный уровень культурной вовлечённости, отсутствие практико-ориентированных форматов и вариативности качества онлайн-курсов. В ряде университетов отсутствуют унифицированные регламенты

признания и перезачёта виртуальных модулей, что снижает их образовательную ценность. Унификация критериев оценки и включение виртуальных курсов в индивидуальные образовательные траектории являются важными направлениями дальнейшего развития. В совокупности это показывает, что виртуальная мобильность остаётся функционально важным, но ещё недостаточно институционализированным компонентом международного взаимодействия.

Однако, по данным фокус-групп, более 40 % респондентов отметили, что виртуальные программы не обеспечивают полноценного культурного обмена и снижают мотивацию к последующему участию в очных обменах, что согласуется с выводами исследователей в области постпандемической трансформации академической мобильности [6]. Таким образом, сохраняется разрыв между количественным расширением виртуальных форматов и качеством культурного и академического опыта участников.

Дополнительный анализ показал, что виртуальная мобильность приобретает самостоятельное значение как гибкая форма международного академического взаимодействия. Респонденты отмечают, что ключевыми преимуществами виртуальных программ являются доступность, низкая стоимость и возможность обучения у зарубежных преподавателей при сохранении локальной инфраструктуры. Однако 41 % участников указывают на ограниченность культурной интеграции, а 33 % – на снижение академической вовлечённости при отсутствии практико-ориентированных форматов. Сохраняются и нормативные трудности: во многих вузах отсутствуют унифицированные правила перезачёта виртуальных курсов, что снижает их стратегическую ценность. Эти особенности требуют институционального закрепления стандартов признания виртуальной мобильности. Без такого закрепления виртуальные программы остаются дополнительным, а не полноценным форматом академического обмена.

В совокупности выявленные тенденции подтверждают, что при сохранении позитивной динамики количественных показателей мобильности остаются выраженные структурные диспропорции, связанные с региональной и страновой концентрацией партнёрских связей, ограниченной диверсификацией направлений входящей мобильности и недостаточной интеграцией форм виртуальной мобильности в стратегические планы вузов [3]. Эти результаты указывают на необходимость усиления институциональной политики по расширению географии партнёрств, привлечению студентов из стран дальнего зарубежья и повышению качества образовательного и культурного опыта участников программ.

Переходя к анализу влияния академической мобильности на индивидуальные образовательные и профессиональные траектории, полученные данные позволяют зафиксировать комплексное воздействие участия студентов Казахстана в международных обменах на их академическое развитие, исследовательские компетенции и культурную интеграцию. Количественный анализ анкетных данных продемонстрировал, что более 68 % респондентов отметили рост академической успеваемости после возвращения из программы, в среднем на 0,3–0,4 балла по GPA, что согласуется с выводами Есимовой Г.Е. [7] о положительной корреляции между участием в международных обменах и академической результативностью студентов. Исследовательская активность участников также продемонстрировала положительную динамику: 42 % студентов сообщили об участии в совместных научных проектах с зарубежными преподавателями или исследовательскими центрами, а 27 % – о публикации статей в международных или национальных журналах после завершения программы мобильности. Подобные показатели подтверждают выводы Almukhambetova et al. [6] о том, что академическая мобильность в STEM-направлениях способствует формированию устойчивых международных исследовательских связей и повышению публикационной активности. Культурные эффекты, выявленные в ходе качественной части исследования (25 интервью и 4 фокус-группы), заключались прежде всего в развитии межкультурной компетентности, способности адаптироваться к новым образовательным и социокультурным средам, а также в расширении профессиональных сетей. 83 % участников отметили улучшение владения иностранным языком, причём у студентов, проходивших обучение в англоязычных странах, средний балл по международным языковым тестам (IELTS, TOEFL) вырос на 0,5–1,0 балла. Данные результаты согласуются с исследованиями Knight (2020) [2] и OECD (2020) [5], в которых подчёркивается роль мобильности как инструмента формирования глобальной компетентности.

Особое внимание заслуживает влияние мобильности на карьерные ожидания студентов: 56 % респондентов заявили, что участие в программе повысило их шансы на трудоустройство в международных компаниях, а 31 % – что они получили конкретные предложения о стажировках или трудоустройстве от зарубежных партнёрских организаций. В фокус-группах участники отмечали, что международный опыт стал значимым аргументом при трудоустройстве даже в национальных компаниях, что подтверждает выводы Mukhataev [3] о стратегической ценности мобильности для повышения конкурентоспособности выпускников. В целом выявленные образовательные, исследовательские и культурные эффекты позволяют заключить, что академическая мобильность в Казахстане функционирует не только как инструмент интернационализации, но и как фактор устойчивого развития человеческого капитала, интегрирующийся в национальную стратегию повышения качества высшего образования. Однако наблюдаемая концентрация позитивных эффектов среди студентов из центральных вузов

требует выравнивания возможностей для участников из региональных университетов, что согласуется с рекомендациями UNESCO [8] по обеспечению равного доступа к международным образовательным ресурсам.

Переход от анализа позитивных эффектов к рассмотрению факторов, ограничивающих их масштабирование, показывает, что развитие академической мобильности сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров и рисков. Комплексный анализ выявленных препятствий демонстрирует, что они имеют многослойный и взаимно усиливающий характер, формируя системную матрицу ограничений на макро-, мезо- и микроуровнях образовательной среды. На макроуровне ключевым дестабилизирующим фактором остаётся финансовая недостаточность поддержки мобильности. По данным анкетирования, 61 % участников указали, что размер грантов или стипендий покрывал лишь базовые расходы, оставляя вне финансирования затраты на культурную интеграцию, транспорт внутри принимающей страны и приобретение учебных материалов. Это прямо коррелирует с выводами Almkhambetova et al. [6] и рекомендациями OECD [5], где подчёркивается, что финансовая устойчивость программы является критическим условием её социальной инклюзивности и недопущения селективного доступа по экономическому признаку. На мезоуровне выявлен устойчивый языковой барьер, который, несмотря на формальные требования к сертификации (IELTS, TOEFL), снижает качество академической вовлечённости. 47 % опрошенных студентов сообщают о затруднениях при усвоении учебного материала из-за недостаточной подготовленности в области академического письма и специализированной терминологии, что приводит к снижению эффективности участия в семинарах, дискуссиях и исследовательских проектах. Эти данные согласуются с концепцией Knight [2] о «лингвистической готовности» как необходимом элементе академической интернационализации.

На микроуровне барьеры принимают форму социокультурных и психологических трудностей интеграции. Около 38 % студентов отмечают переживание культурного шока, связанного с резкой сменой образовательной и социальной среды. Особенно остро этот эффект проявляется в странах дальнего зарубежья с иной конфессиональной, ценностной и коммуникативной структурой, где отсутствует устойчивая казахстанская студенческая диаспора. В интервью фиксировались случаи затяжной социальной изоляции, совпадающие с наблюдениями Есимовой Г.Е. [7] о необходимости институционально организованной поддержки адаптационного периода.

Важным структурным ограничением является институциональная фрагментарность процедур академического признания. 42 % студентов сталкивались с частичной или полной потерей кредитов при возвращении, что в отдельных случаях удлиняло срок обучения на один семестр. Отсутствие унифицированного национального стандарта валидации результатов обучения, полученных за рубежом, усугубляет фрагментацию образовательных траекторий, что подтверждается выводами Mukhatayev [3] и соответствует критике в адрес Болонского процесса, зафиксированной в отчётах ENEA [9]. Особое внимание следует уделить региональной диспропорции доступа: 64 % участников программ мобильности представляют центральные университеты (Алматы, Астана), тогда как региональные вузы остаются в значительно меньшей степени вовлечёнными в международные обмены. Такая концентрация усиливает образовательное неравенство и снижает общий мультипликативный эффект программ на национальном уровне. UNESCO [8] в своих рекомендациях по выравниванию возможностей подчёркивает, что региональная сбалансированность доступа является не только этическим, но и стратегическим фактором конкурентоспособности высшей школы.

Причинно-следственный анализ показывает, что региональная неравномерность мобильности определяется совокупностью факторов. Во-первых, региональные вузы существенно реже участвуют в международных проектах и грантовых программах, которые могли бы выступать финансовой и организационной базой для развития мобильности. Во-вторых, их партнёрские сети носят преимущественно внутрирегиональный или СНГ-ориентированный характер, тогда как центральные университеты интегрированы в более широкие глобальные консорциумы. В-третьих, в региональных вузах ниже распространённость англоязычных программ и специализированных курсов по академическому письму, что прямо отражается на «языковой готовности» студентов к участию в обменах. Следствием этого становится воспроизводство неравенства: именно студенты центральных университетов аккумулируют основной объём международного опыта, тогда как потенциал мобильности как инструмента выравнивания образовательных возможностей между регионами остаётся нереализованным.

Синтез полученных данных позволяет заключить, что академическая мобильность в Казахстане пока функционирует в условиях перманентного «институционального трения», где каждый уровень – финансовый, языковой, культурный и нормативно-правовой – генерирует барьеры, взаимно усиливающие друг друга. Для преодоления этих ограничений требуется многоуровневая стратегия: на макроуровне – расширение объёмов финансирования и механизмов целевой поддержки малообеспеченных групп; на мезоуровне – унификация процедур признания академических результатов и внедрение комплексной языковой подготовки; на микроуровне – институционализация программ культурного менторства и психолого-педагогического сопровождения участников. Интеграция этих мер в национальные образовательные стратегии позволит трансформировать мобильность из количественно растущей, но структурно дисбалансированной практики в устойчивый инструмент развития

человеческого капитала и международной конкурентоспособности высшего образования Казахстана. На этом аналитическом основании становится возможным перейти от констатации структурных ограничений к формированию практических ориентиров для образовательной политики и институционального управления. Переходя от выявленных структурных ограничений к формированию практических ориентиров, можно констатировать, что результаты проведённого исследования позволяют выработать комплекс рекомендаций, направленных на институционализацию академической мобильности как системного элемента стратегии устойчивого развития высшего образования. Стратегический вектор интеграции мобильности требует синхронизации усилий на трёх уровнях – государственном, институциональном и индивидуальном, – что соответствует концепции «многоуровневого управления» в интернационализации образования [2; 5].

На макроуровне ключевым условием повышения эффективности мобильности является совершенствование нормативно-правовой базы. Национальная политика должна предусматривать унификацию процедур академического признания результатов обучения, полученных за рубежом, что устранил случаи потери кредитов и позволяет формировать непрерывные образовательные траектории. Рекомендации UNESCO [8] подчёркивают важность гармонизации национальных стандартов с Лиссабонской конвенцией о признании квалификаций, что создаёт правовые гарантии для академической интеграции выпускников. Финансовое обеспечение программ должно быть выстроено на принципах адресности и дифференцированности. Наряду с общенациональными грантами целесообразно внедрить механизмы целевой поддержки студентов из социально уязвимых групп и региональных вузов, что позволит снизить селективность доступа и усилить инклюзивность. Almukhambetova et al. [6] и World Bank [16] указывают, что такая модель финансирования увеличивает общий охват мобильностью и повышает её долгосрочный социальный эффект. На мезоуровне необходима институционализация языковой подготовки, интегрированной в учебный процесс. Университеты должны развивать центры академического письма, специализированные курсы по профессиональной терминологии и программы предвыездной адаптации, включающие элементы межкультурной коммуникации. Опыт ведущих университетов стран ЕНЕА [9] демонстрирует, что подобные модули сокращают адаптационный период студентов за рубежом и повышают их академическую результативность.

Одновременно требуется внедрение механизмов постпрограммной интеграции – систем сопровождения студентов после возвращения, включающих академическое и карьерное консультирование, трансфер полученных знаний в образовательный процесс и вовлечение выпускников мобильности в качестве менторов для новых участников. Исследования Mukhatayev [3] и Есимовой Г. [7] показывают, что без постпрограммного сопровождения значительная часть приобретённых компетенций остаётся нереализованной в национальном контексте.

На микроуровне рекомендуется формировать культуру мобильности как ценностный элемент университетской среды. Это предполагает развитие студенческих ассоциаций выпускников международных программ, регулярное проведение дней международного образования, интеграцию мобильности в стратегию брендинга вуза и привлечение международных партнёров к совместным образовательным и исследовательским проектам. Такой подход соответствует модели «глобального кампуса» [1] при которой мобильность становится не внешней опцией, а встроенной частью академической экосистемы. В перспективе системная реализация предложенных мер позволит Казахстану перейти от количественного роста академической мобильности к качественной трансформации её влияния на развитие человеческого капитала, укрепление научно-образовательного потенциала страны и повышение её конкурентоспособности в глобальном образовательном пространстве. Таким образом, академическая мобильность должна рассматриваться не как вспомогательный инструмент интернационализации, а как стратегический ресурс национальной образовательной политики, напрямую связанный с целями устойчивого развития и модернизации высшей школы.

Обсуждение. Анализ полученных данных позволяет рассматривать академическую мобильность в Казахстане как инструмент, находящийся на этапе институциональной консолидации, но ещё не достигший уровня системной интеграции в образовательную и исследовательскую политику. Исследование выявило устойчивый рост исходящей мобильности, что соответствует общемировым тенденциям расширения трансграничных образовательных потоков [1; 5]. Однако при этом качественные параметры остаются ограниченными, а асимметрия между исходящей и входящей мобильностью свидетельствует о слабой глобальной привлекательности казахстанских университетов. Доля иностранных студентов в краткосрочных программах обмена не превышает половины исходящих потоков, при этом более 70 % из них приезжают из стран СНГ, главным образом из Узбекистана, Кыргызстана и России, что указывает на низкую диверсификацию направлений и ограниченность культурно-академического обмена. Подобная географическая концентрация подтверждает выводы UNESCO [8] о том, что для стран с переходной экономикой характерно доминирование региональных академических связей в ущерб глобальной интеграции.

Сравнение с международными моделями также показало различия в стратегических подходах к интернационализации. Модель ЕС (Erasmus+) основана на политике гармонизации, единых стандартах качества, прозрачных механизмах признания кредитов и двустороннем балансе мобильности, что

создаёт устойчивую экосистему академического обмена. Южная Корея ориентирована на экспорт образовательных услуг: университеты активно развивают англоязычные программы, кампусную инфраструктуру и привлекают иностранных преподавателей, используя мобильность как инструмент продвижения национальной науки. Турция через программу *Mevlana* сочетает региональную интеграцию с политикой интернационализации, направленной на расширение входящих потоков за счёт стран СНГ, Азии и Ближнего Востока. На фоне этих моделей Казахстан пока демонстрирует преимущественно однонаправленный характер обменов и недостаточную институционализацию входящей мобильности, что ограничивает глобальную узнаваемость университетов.

Полученные данные о мотивационных факторах участия в мобильности отражают дифференциацию по профилю подготовки. Для студентов гуманитарных направлений ключевыми факторами являются культурная близость и языковая доступность, тогда как представители инженерно-технических и STEM-направлений ориентируются на наличие современных лабораторий и перспективы трудоустройства, а студенты медицинских специальностей – на доступ к клиническим базам и современному оборудованию. Эти наблюдения согласуются с результатами исследований Knight [2] и Souto-Otero, Huisman, Beerkens, de Wit, Vujic [15], указывающими на то, что дисциплинарная специфика напрямую влияет на выбор образовательной траектории и страну назначения. При этом для казахстанских студентов фактор академической репутации принимающего университета пока уступает по значимости прагматическим соображениям, что может указывать на недостаточную информированность о рейтинговых и научных показателях зарубежных партнёров.

Выявленные барьеры участия в мобильности имеют многослойный характер и действуют на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне ключевым ограничением является недостаточная финансовая поддержка, что подтверждают 61 % опрошенных участников. Размер грантов и стипендий часто покрывает только базовые расходы, оставляя за рамками финансирования затраты на культурную интеграцию, транспорт и специализированные учебные материалы. Этот дефицит подтверждает тезис Almkhambetova et al. [6] о том, что финансовая устойчивость программы – необходимое условие её социальной инклюзивности. На мезоуровне устойчивым остаётся языковой барьер, снижающий эффективность вовлечённости в академическую жизнь принимающего вуза. Несмотря на наличие сертификатов международных экзаменов, почти половина студентов испытывает трудности в академическом письме и устных дискуссиях, что согласуется с выводами OECD [5] о необходимости углублённой языковой подготовки. На микроуровне барьеры проявляются в форме культурного шока и социальной изоляции, особенно при обучении в странах дальнего зарубежья, где отсутствует устойчивая казахстанская диаспора. Есимова Ш.А., Хасенова Л.А., Мирзаев Ш.Ш. [7] подчёркивают, что именно этот аспект наиболее часто приводит к преждевременному прекращению участия или снижению академической результативности.

Региональный аспект выявленных ограничений заслуживает особого внимания. 64 % участников мобильности представляют центральные университеты (Алматы, Астана), тогда как региональные вузы значительно менее вовлечены в международные обмены. Такая концентрация создаёт институциональный разрыв, усиливающий образовательное неравенство и ослабляющий мультипликативный эффект мобильности для всей национальной системы. UNESCO [8] и World Bank [16] рекомендуют в подобных случаях вводить целевые квоты и гранты для региональных университетов, обеспечивая не только финансирование, но и развитие инфраструктуры международного сотрудничества.

Отдельным направлением анализа является вопрос постпрограммной интеграции. Результаты показали, что механизмы возврата и трансфера компетенций участников мобильности в образовательный процесс и научно-исследовательскую деятельность остаются слабо структурированными. Это приводит к тому, что полученные знания и опыт зачастую остаются в индивидуальном распоряжении выпускника и не масштабируются на институциональном уровне. Подобная ситуация противоречит модели «кругового знания» (circular knowledge), описанной Mukhatayev [3], согласно которой ценность мобильности возрастает многократно при условии системного вовлечения вернувшихся студентов в академическую и профессиональную среду страны.

В сравнении с международными практиками можно отметить, что Казахстан пока движется по пути «позднего присоединения» к глобальным академическим потокам. Если в странах ЕС, Канаде или Австралии академическая мобильность интегрирована в стратегию университетов как элемент глобального позиционирования, то в казахстанских вузах она чаще рассматривается как дополнительная опция, а не ядро интернационализации. Knight и Altbach & de Wit [1] подчёркивают, что без встраивания мобильности в институциональные стратегии и образовательные программы её эффект останется фрагментарным и эпизодическим.

Таким образом, обсуждение полученных данных приводит к выводу, что развитие академической мобильности в Казахстане требует целенаправленной работы в трёх направлениях: во-первых, укрепление нормативно-правовой базы и финансовой устойчивости программ; во-вторых, институционализация языковой, культурной и постпрограммной поддержки; в-третьих, развитие региональной сбалансированности доступа и повышение глобальной привлекательности универси-

тетов. Реализация этих направлений позволит превратить мобильность из преимущественно количественного показателя в стратегический ресурс модернизации национальной системы высшего образования и повышения её конкурентоспособности в мировом образовательном пространстве.

Закключение. Проведённое исследование позволило всесторонне оценить текущее состояние и перспективы академической мобильности студентов в Казахстане, выявив как позитивные тенденции, так и системные ограничения, требующие целенаправленного решения. Полученные данные демонстрируют, что при устойчивом росте количества участников сохраняются структурные дисбалансы, выражающиеся в региональной ограниченности направлений, слабой диверсификации партнёрств и низком уровне входящей мобильности.

Анализ показал, что география обменов в значительной степени сосредоточена в пределах СНГ, что обеспечивает культурную и языковую близость, но одновременно снижает возможности интеграции в глобальные академические и исследовательские сети. Привлечение студентов из дальнего зарубежья остаётся ограниченным и формируется преимущественно за счёт нескольких стран, что указывает на необходимость более активной международной маркетинговой политики и разработки англоязычных образовательных продуктов.

Сопоставление казахстанских практик с международными моделями демонстрирует различия в уровне институционализации мобильности и степени её встроенности в стратегию развития университетов. В Европейском Союзе (программа Erasmus+) мобильность опирается на единые стандарты признания кредитов, устойчивое нормативное обеспечение и развитую инфраструктуру поддержки (центры мобильности, офисы международного образования, системы мониторинга траекторий выпускников), что обеспечивает относительный баланс входящих и исходящих потоков. Южная Корея реализует экспортно-ориентированную модель, в которой англоязычные программы, кампусная международная инфраструктура и активная маркетинговая политика рассматриваются как элементы национальной стратегии укрепления глобальной конкурентоспособности университетов. Турция через программу Mevlana сочетает региональную интеграцию с целенаправленным привлечением студентов из стран Азии и СНГ, развивая модель «пограничного» академического хаба. По сравнению с этими примерами казахстанская модель остаётся преимущественно ориентированной на исходящую мобильность и не в полной мере использует потенциал входящих потоков и англоязычных программ как инструмента институционального позиционирования на глобальном образовательном рынке.

Эмпирические данные качественного блока исследования выявили неоднородность мотивационных факторов участия, зависящих от профиля подготовки, социально-экономического положения и доступности инфраструктуры. Для гуманитарных и экономических направлений приоритетными являются культурная совместимость и доступность повседневных условий, в то время как для STEM- и медицинских специальностей решающее значение имеют исследовательские возможности, наличие лабораторий и доступ к современному оборудованию. Барьеры, препятствующие развитию мобильности, носят комплексный характер: финансовые затраты, языковые трудности, административные процедуры и недостаточная подготовка к культурной адаптации. Существенной проблемой остаётся постпрограммная интеграция: полученные знания и компетенции участников недостаточно активно внедряются в учебный процесс и исследовательские практики, что снижает долгосрочный эффект мобильности для национальной системы образования.

Отдельного внимания заслуживает виртуальная мобильность, которая в постпандемийный период перестаёт быть исключительно «вынужденной заменой» очных обменов и рассматривается как самостоятельный инструмент расширения международного академического пространства. При условии развития сетевых дисциплин, совместных онлайн-проектов и чётких процедур академического признания она может стать ключевым каналом включения студентов региональных вузов в глобальные образовательные сети, снижая влияние финансовых и географических барьеров. С учётом глобального распространения смешанных форм обучения виртуальная мобильность приобретает значение долгосрочного тренда, способного компенсировать часть инфраструктурных ограничений и обеспечить более инклюзивный доступ к международному опыту.

Сравнительный анализ с международным опытом показал, что Казахстан в целом следует общемировой тенденции количественного роста академической мобильности, однако отстаёт в части системного включения её результатов в образовательную стратегию и встраивания в институциональные приоритеты университетов. Для преодоления этого разрыва необходимы меры, направленные на диверсификацию географии обменов, укрепление входящей мобильности, выравнивание доступа между регионами, развитие инфраструктуры поддержки, а также создание механизмов передачи и тиражирования опыта участников.

Таким образом, академическая мобильность в Казахстане находится на этапе, когда количественные показатели уже не могут быть единственным критерием успешности. Переход к качественно ориентированной модели, предполагающей стратегическое управление партнёрствами, усиление исследовательской составляющей, институционализацию постпрограммной работы и комплексное устранение барьеров, позволит превратить мобильность в ключевой ресурс модернизации

высшего образования и повышения его конкурентоспособности в глобальном академическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 **Altbach P.G., de Wit H. Internationalization in higher education: Global trends and recommendations for its future** [Text] / P.G. Altbach, H. de Wit // *Policy Reviews in Higher Education*. – 2021. – Vol. 5, Iss.1. – pp. 28-46. DOI: <https://doi.org/10.1080/23322969.2020.1820898>.
- 2 **Knight J. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales** [Text] / J. Knight // *Journal of Studies in International Education*. – 2004. – Vol. 8, Iss. 1. – pp. 5-31. DOI: <https://doi.org/10.1177/1028315303260832>.
- 3 **Mukhatayev B. Institutional models for managing academic mobility in Kazakhstan** [Text] / B. Mukhatayev // *Higher Education in Kazakhstan Review*. – 2024. – № 2. – pp.15-27.
- 4 **Di Pietro G. Student characteristics and barriers to international mobility: analysis of key obstacles** [Text] / G. Di Pietro // *International Journal of Educational Development*. – 2023. – Vol. 55, Iss. 3. – pp. 123-136. DOI: <https://doi.org/10.1080/10564934.2023.2278765>.
- 5 **OECD. Education at a Glance 2020: OECD Indicators**. Paris: OECD Publishing, 2020. – 472 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/69096873-en>.
- 6 **Almukhambetova A., Saparova D., Mussina Z., Kalybekova A., Abdrakhmanova G. Academic mobility in STEM: Motivation and career trajectories of participants** [Text] / A. Almukhambetova, D. Saparova, Z. Mussina, A. Kalybekova, G. Abdrakhmanova // *Central Asian Journal of Education*. – 2024. – Vol. 10, № 1. – pp. 45-63.
- 7 **Есимова Ш.А., Хасенова Л.А., Мирзаев Ш.Ш. Оценка экономической эффективности академической мобильности на трудоустройство выпускников** [Текст] / Ш.А. Есимова, Л.А. Хасенова, Ш.Ш. Мирзаев // *Экономика: стратегия и практика*. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 22-39. DOI: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-4-22-39>.
- 8 **UNESCO. Education for Sustainable Development: A roadmap** [Text] / Paris: UNESCO, 2020. – 66 p. DOI: <https://doi.org/10.54675/YFRE1448>.
- 9 **European Higher Education Area (EHEA). Implementation Report 2022** [Text] / Brussels: EHEA Ministerial Conference, 2022. – 172 p.
- 10 **Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Приказ от 31 марта 2025 г. № 149 «О внесении изменений в Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 19 ноября 2008 г. № 613 «Об утверждении Правил направления для обучения за рубежом, в том числе в рамках академической мобильности»** [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38314944 (дата обращения: 06.06.2025).
- 11 **Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Приказ от 26 марта 2025 г. № 133 «Об утверждении количества мест по организациям высшего и (или) послевузовского образования для обучения за рубежом в рамках академической мобильности на 2025 год»** [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33400455 (дата обращения: 06.06.2025).
- 12 **Field A. Discovering Statistics IBM Using SPSS Statistics. 5th ed.** [Text] / A. Field. – London: Sage, 2018. – 1561 p.
- 13 **Denzin N.K. The research act: A theoretical introduction to sociological methods. 4th ed.** [Text] / N.K. Denzin. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2012. – 368 p.
- 14 **ENIC Kazakhstan. Мониторинг реализации программы академической мобильности обучающихся. Аналитический отчет за I полугодие 2023 года** [Текст]. – Астана: Национальный центр развития высшего образования МНВО РК, 2023. – 88 с. URL: https://enic-kazakhstan.edu.kz/uploads/additional_files_items/189/file/3-1-svedeniya-ob-akademicheskoy-mobilnosti-pol-2023.pdf.
- 15 **Souto-Otero M., Huisman J., Beerkens M., de Wit H., Vujic S. Barriers to international student mobility: evidence from the Erasmus program** [Text] / M. Souto-Otero, J. Huisman, M. Beerkens, H. de Wit, S. Vujic // *Educational Researcher*. – 2013. – Vol. 42, Iss. 2. – pp. 70-77. DOI: <https://doi.org/10.3102/0013189X12466696>.
- 16 **World Bank. Supporting Tertiary Education in Kazakhstan** [Text] / Washington, D.C.: World Bank, 2022. – 128 p.

REFERENCES:

- 1 **Altbach P.G., de Wit H. Internationalization in higher education: Global trends and recommendations for its future.** *Policy Reviews in Higher Education*, 2021, vol. 5, iss.1, pp. 28-46. <https://doi.org/10.1080/23322969.2020.1820898>.
- 2 **Knight J. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales.** *Journal of Studies in International Education*, 2004, vol. 8, iss. 1, pp. 5-31. <https://doi.org/10.1177/1028315303260832>.

- 3 Mukhatayev B. Institutional models for managing academic mobility in Kazakhstan. *Higher Education in Kazakhstan Review*, 2024, no. 2, pp. 15-27.
- 4 Di Pietro G. Student characteristics and barriers to international mobility: analysis of key obstacles. *International Journal of Educational Development*, 2023, vol. 55, iss. 3, pp. 123-136. <https://doi.org/10.1080/10564934.2023.2278765>.
- 5 OECD. *Education at a Glance 2020: OECD Indicators*. Paris, OECD Publishing, 2020, 472 p. <https://doi.org/10.1787/69096873-en>.
- 6 Almukhambetova A., Saparova D., Mussina Z., Kalybekova A., Abdrakhmanova G. Academic mobility in STEM: motivation and career trajectories of participants. *Central Asian Journal of Education*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 45-63.
- 7 Esimova Sh.A., Khasanova L.A., Mirzaev Sh. Ocenka e'konomicheskoy e'ffektivnosti akademicheskoy mobilnosti na trudoustrojstvo vy'pusknikov [Evaluation of the economic efficiency of academic mobility on graduates' employment]. *E'konomika: strategiya i praktika*, 2023, vol. 18, no. 4, pp. 22-39. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-4-22-39>. (In Russian)
- 8 UNESCO. *Education for Sustainable Development: A roadmap*. Paris, UNESCO, 2020, 66 p. <https://doi.org/10.54675/YFRE1448>.
- 9 European Higher Education Area (EHEA). *Implementation Report 2022*. Brussels, EHEA Ministerial Conference, 2022, 172 p.
- 10 Ministerstvo nauki i vy'sshego obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. *Prikaz ot 31 marta 2025 g. № 149 «O vnesenii izmenenii v Prikaz Ministra obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan ot 19 noyabrya 2008 g. № 613 «Ob utverzhdenii Pravil napravleniya dlya obucheniya za rubezhom, v tom chisle v ramkah akademicheskoy mobil'nosti»* [Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. Order No. 149 dated March 31, 2025 "On Amendments to the Order No. 613 of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated November 19, 2008 "On Approval of the Rules of Study Abroad, including Academic Mobility"]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38314944 (accessed 6 June 2025). (In Russian)
- 11 Ministerstvo nauki i vy'sshego obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. *Prikaz ot 26 marta 2025 g. № 133 «Ob utverzhdenii kolichestva mest po organizatsiyam vy'sshego i (ili) poslevuzovskogo obrazovaniya dlya obucheniya za rubezhom v ramkah akademicheskoy mobil'nosti na 2025 god»* [Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. Order No. 133 dated March 26, 2025 "On Approval of the number of places for higher and (or) Postgraduate education institutions to study abroad as part of Academic Mobility for 2025"]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33400455 (accessed 6 June 2025). (In Russian)
- 12 Field A. *Discovering Statistics Using SPSS*. 5th ed. London, Sage, 2018, 1561 p.
- 13 Denzin N.K. *The research act: a theoretical introduction to sociological methods*. 4th ed. New Brunswick, Transaction Publishers, 2012, 368 p.
- 14 ENIC Kazakhstan. *Monitoring realizatsii programmy' akademicheskoy mobilnosti obuchayushhikhsya. Analiticheskij otchet za I polugodie 2023 goda* [Monitoring of the implementation of the academic mobility program for students. Analytical report for the first half of 2023]. Astana, Natsionalny'j centr razvitiya vy'sshego obrazovaniya MNVO RK, 2023, 88 p. Available at: https://enic-kazakhstan.edu.kz/uploads/additional_files_items/189/file/3-1-svedeniya-ob-akademicheskoy-mobilnosti-pol-2023.pdf. (In Russian)
- 15 Souto-Otero M., Huisman J., Beerkens M., de Wit H., Vujic S. Barriers to international student mobility: evidence from the Erasmus program. *Educational Researcher*, 2013, vol. 42, iss. 2, pp. 70-77. <https://doi.org/10.3102/0013189X12466696>.
- 16 World Bank. *Supporting Tertiary Education in Kazakhstan*. Washington, D.C., World Bank, 128 p.

Сведения об авторах:

Каленова Арайлым Серикбаевна – PhD-докторант, ОП 8D01103 – Педагогика и психология, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Мустафина 21/4, тел.: +77071807545, e-mail: arailym@inbox.ru.

Нурбаева Аида Мухтаровна* – доктор PhD, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Достык 13, тел.: +77058888848, e-mail: nurbaeva.aida@bk.ru.

Жетібай Рақымберді Қажығалиұлы – доктор PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Достык 13, тел.: +77051496545, e-mail: zhetibayrakymberti@gmail.com.

Кадырбаева Багдауль Ахмадиевна – кандидат педагогических наук, доцент, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Достык 13, тел.: +77071824436, e-mail: kbagda@mail.ru.

Каленова Арайлым Серікбаевна – PhD докторант, 8D01103 «Педагогика және психология» білім беру бағдарламасы, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Мұстафин көш. 21/4, тел.: +77071807545, e-mail: arailym@inbox.ru.

Нұрбаева Аида Мұхтарқызы* – PhD докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің қауымдастырылған профессоры (м.а.), Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы қ., Достық даңғ. 13, тел.: +77058888848, e-mail: nurbaeva.aida@bk.ru.

Жетібай Рақымберді Қажығалиұлы – PhD, қауымдастырылған профессор (м.а.), Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы қ., Достық даңғ. 13, тел.: +77051496545, e-mail: zhetibayrakymberdi@gmail.com.

Қадырбаева Бағдагүл Ахмадиевна – педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы қ., Достық даңғ. 13, тел.: +77071824436, e-mail: kbagda@mail.ru.

Kalenova Arailym Serikbayevna – PhD student, “8D01103-Pedagogy and Psychology” educational program, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, 21/4 Mustafin Str., tel.: +77071807545, e-mail: arailym@inbox.ru.

Nurbayeva Aida Mukhtarovna* – PhD, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, 050010, Almaty, 13 Dostyk Ave., tel.: +77058888848, e-mail: nurbaeva.aida@bk.ru.

Zhetibay Rakhymberdi Kazhygaliuly – PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, 050010, Almaty, 13 Dostyk Ave., tel.: +77051496545, e-mail: zhetibayrakymberdi@gmail.com.

Kadyrbayeva Bagdagul Akhmediyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, 050010, Almaty, 13 Dostyk Ave., tel.: +77071824436, e-mail: kbagda@mail.ru.

IRSTI 14.29.09

UDC 159.94:376

<https://doi.org/10.52269/NTDG2542149>

STRESS TOLERANCE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A SPECIAL EDUCATION TEACHER

Likhodedova L.N.* – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan.

Manasbayeva A.A. – Educator-Researcher, Kostanay Special Complex «Kindergarten – School – Boarding School» for Children with Special Educational Needs, Department of education of the Kostanay Region Akimat, Kostanay, Republic of Kazakhstan.

Almagambetova Z.A. – Research Teacher of Michurinsky secondary school of the Department of Education of Kostanay district, Education Department of the Akimat of Kostanay region, Kostanay, Republic of Kazakhstan.

This article presents the results of a study examining the specific expression of stress tolerance in special educators. The issue of stress tolerance arises in the professional work of special educators, as they must address professional challenges in constant contact with children with disabilities, psychophysical disorders, and learning and socialization difficulties. Therefore, “stress tolerance” takes on particular significance. An analysis of theoretical sources allowed us to identify the characteristics, structural components, and psychological resources of special educators’ stress tolerance. The insufficient study of the specific expression of stress tolerance in special educators was noted, demonstrating the relevance of scientific research and the relevance and importance of this research. In this study, “special educator’s stress tolerance” was examined as an integrative characteristic manifested in the activation of psychological resources aimed at preventing professional impairments.

The study involved 50 special educators working in organizations for children with special educational needs. The study utilized diagnostic methods (Stress Diagnostics by A.O. Prokhorov; Multilevel Personality Questionnaire “Adaptability” by A.G. Maklakov, S.V. Chermnyanin; and the “Coping Behavior in Stressful Situations” by S. Norman, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker (adapted by T.A. Kryukova) to identify prevailing levels of stress resistance in the experiment participants. The study utilized mathematical and statistical data processing methods to identify statistically significant indicators of the presence of a relationship between the level of stress resistance, its structural components (emotional, behavioral, and cognitive), the severity of adaptive characteristics, and behavior strategies in stressful situations in special educators.

Key words: stress, stress tolerance, professional activity, special education teacher, adaptability, coping behavior, neuropsychic resilience skills, special education.